

Куроптев Владислав Андреевич

студент

Научный руководитель

Кулишов Владимир Валентинович

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ПАВЕЛ I: РЕФОРМАТОР ВОПРОТИВ СТЕРЕОТИПОВ

***Аннотация:** в условиях цифровизации образования и расширения доступа к историческим источникам происходит переосмысление ключевых фигур прошлого. В статье рассматривается трансформация образа императора Павла I, долгое время воспринимавшегося в массовом и научном сознании в качестве деспота и «безумца». Анализируется, каким образом складывались и распространялись стереотипы о правлении Павла I, а также подчеркивается их зависимость от политического контекста и интересов элиты, пришедшей к власти после его гибели. Особое внимание уделяется реформаторской деятельности Павла в военной, административной и социальной сферах. Отмечается направленность его преобразований на укрепление порядка, законности и централизации власти, а также ограничения дворянских привилегий и смягчение положения крестьян. Выявляется несоответствие между реальными инициативами монарха и образом, закреплённым в историографии XIX века. Подчеркивается значимость обращения к многоаспектному анализу исторических событий при формировании устойчивой и обоснованной исторической памяти.*

***Ключевые слова:** цифровизация образования, стереотипы, реформы, историческая память.*

В эпоху цифровизации образования историческая память переживает стремительную трансформацию. Современные технологии не только расширяют доступ к источникам и научным данным, но и ставят под сомнение устойчивые нарративы прошлого, укоренившиеся в массовом сознании. Онлайн-платформы,

цифровые архивы и интерактивные форматы обучения позволяют переосмысливать фигуры, ранее изображавшиеся однобоко или предвзято [6].

Сегодня восприятие Павла I трансформируется. Благодаря цифровым образовательным платформам, архивным проектам, подкастам, научно-популярным YouTube-каналам фигура императора вырывается из плена стереотипов. Цифровая среда создаёт условия для пересмотра исторических образов: доступ к источникам становится проще, разнообразие точек зрения – шире, а академические исследования легче достигают массовой аудитории.

Это способствует постепенной реконструкции исторической памяти о Павле I, выводя её за пределы навязанных клише и упрощённых интерпретаций.

В контексте цифрового образования происходит сдвиг от принятой или школьной версии «безумного Павла» к более сложному образу реформатора, чьи действия были продиктованы не иррациональностью, а жёсткой необходимостью навести порядок. Эта переоценка способствует формированию у молодёжи критического мышления и интереса к анализу исторических процессов, а не слепому следованию устоявшимся нарративам.

Фигура императора Павла I занимает особое место в российской истории. На протяжении двух столетий его образ в массовом сознании формировался под влиянием устойчивых штампов: деспот, тиран, сумасшедший монарх. В историографии XIX века он рассматривался как трагический эпизод между «великой» Екатериной II и просвещённым Александром I. Сегодня Павел предстает всё чаще как реформатор, чьи инициативы, были направлены на восстановление порядка, законности и нравственных ориентиров в Российской империи.

Источником устойчивых стереотипов о Павле I стали не столько действия самого императора, сколько политические интересы тех, кто пришёл к власти после его гибели. Участникам заговора необходимо было легитимизировать переворот, а самый удобный способ для этого – выставить Павла сумасшедшим, деспотом, опасным для государства. Уже в первые годы после убийства императора в Михайловском замке началась активная кампания по дискредитации его прав-

ления. Этот миф пустил свои корни глубоко, затронув даже академическую историографию. Так, выдающиеся историки XIX века, такие как Н.М. Карамзин и С.М. Соловьёв, в целом поддерживали официальную версию, создавая образ эксцентричного самодержца, чьи реформы были беспорядочны, а действия – непредсказуемы, В.О. Ключевский также негативно оценивал деятельность Павла, назвав ее «капризами сумасшедшего». Так происходило искажение исторической памяти, когда оценка личности императора становилась заложницей политической целесообразности и устоявшегося мифа, а не результатом объективного анализа [3].

Ещё одним важным фактором, определившим негативное восприятие Павла I, стало его противопоставление образам Екатерины II и Александра I, которых в российской истории принято считать практически мифологическими фигурами. Екатерина II, в глазах широкой публики, представала как олицетворение «просвещённого абсолютизма». Ее правление ассоциировалось с развитием культуры, искусства, науки, с реформами, которые способствовали модернизации России и укреплению ее позиции на международной арене. Александр I, в свою очередь, вошел в историю как «освободитель Европы от Наполеона». Его имперская миссия в контексте антифранцузской коалиции укрепила его популярность, а последствия его правления воспринимались как величественные и торжественные. Презентация Александра как победителя Наполеона и национального героя, наряду с его попытками реформировать Россию, придавала ему образ реформатора, по сути, наследника Екатерины II в поисках дальнейших преобразований.». На этом фоне фигура Павла I воспринималась как нечто чуждое, противоречащее сложившимся представлениям о дворянской аристократии и её идеалах.

Начало пересмотру традиционной оценки правления Павла I положил Д.А. Милютин, который отметил значимость его административных и военных реформ. Его точку зрения, опираясь на исторические источники, поддержал П.Н. Бучинский. Наиболее развёрнутая и целостная интерпретация позитивной оценки царствования Павла I содержится в трудах М.В. Ключкова. Он акцентировал внимание на социальном измерении павловской политики, представляя

императора как «царя-реформатора», решительно боровшегося с дворянскими привилегиями и стремившегося улучшить положение крестьян [2].

Павел начал своё правление с ревизии административной и моральной системы, унаследованной от матери. Екатерининская эпоха, с её «блестящей фасадностью» и реальной анархией в управлении, а также фаворитизму представлялась ему временем разложения нравов и подрыва монархических основ. Павел стремился к централизованной власти, укреплению дисциплины и законности – и его реформы отражали эту установку.

Одной из первых и наиболее значимых инициатив Павла стала серия военных реформ. Придя к власти, он стремился покончить с произволом и коррупцией в армии. Им были введены жёсткие регламенты и строгая дисциплина, а также унифицирована форма, восстановлена субординация, пересмотрены правила комплектования армии. Эти меры имели практический эффект – боевая подготовка улучшилась, а в войсках был наведен порядок [4].

Однако, именно армейские реформы вызвали серьёзное недовольство – особенно среди высших офицеров, привыкших к вольностям и эксцентричной «потёмкинской» системе. Павел заменил привычный гусарский шик на прусскую строгость, что вызвало раздражение и даже насмешки. Многие видели в этом не реформаторскую волю, а «безумные капризы», подражание Пруссии. Тем самым возникла основа для насмешливых мифов среди недоброжелателей, позже подхваченных мемуаристами и историками [1].

Одной из самых болезненных реформ для дворянства, стала отмена некоторых положений из Жалованной грамоты дворянству 1785 года. Так, Павел I ввел телесные наказания для представителей дворянского сословия, также запретил дворянам, прослужившим офицерами менее года, просить отставку и лишил дворянство права предоставления коллективных жалоб государю, Сенату и губернаторам областей, также увеличил налоги «с души» [2].

Не менее радикальными для дворянства были и реформы в сфере крестьянского вопроса. Павел впервые в истории России ограничил барщину тремя днями

в неделю и запретил помещикам продавать крестьян без земли. Он также запретил помещикам наказывать своих крестьян публично без суда – шаг, казавшийся немыслимым в условиях абсолютной власти землевладельцев [3].

Эти меры, хоть и не устранили крестьянскую зависимость, тем не менее, стали важным прецедентом в истории российской социальной политики. Павел впервые поставил под сомнение абсолютную власть помещика над крестьянином, продемонстрировав, что государь может вмешиваться в отношения между землевладельцем и зависимым населением. Это свидетельствовало о наличии у императора социального чутья и стремления к более справедливой модели взаимоотношений между дворянами и крестьянами.

Особое значение имели и административные реформы, направленные на борьбу с произволом и взяточничеством. Павел ужесточил контроль над губернаторами, запретил чиновникам принимать «подарки» от подчинённых и ввёл ротацию кадров, разрушая систему местных кланов. Это также вызвало недовольство бюрократического аппарата, который привык к вольному интерпретированию власти.

Кроме того, Павел активно занимался регламентацией дворцового этикета и сокращением придворных расходов. Это, на первый взгляд, может показаться мелочным, но отражало его стремление к порядку и уважению к институту монархии. Он сократил празднества, ограничил число камергеров, запретил некоторым представителям высшей знати появляться при дворе в нетрезвом виде. Всё это воспринималось как ущемление прав «естественной аристократии», что дополнительно подрывало его популярность среди элиты.

Павел нередко обвиняется в непоследовательной и «хаотичной» внешней политике – от союза с Англией до резкого разворота к союзу с Францией и даже Наполеоном. Однако и здесь его действия поддаются логике. Убедившись, что союзники используют Россию в своих целях, не принося никаких выгод (как в случае со Второй антифранцузской коалицией), Павел решил изменить курс. Его сближение с Наполеоном было попыткой построить новую систему континентального баланса, в которой Россия играла бы главную роль.

Планы Павла по созданию общего восточного фронта против британского доминирования в Индии – в том числе знаменитый поход казаков в направлении Индии – выглядели дерзко, но не безумно. Это было политическим вызовом Британской империи, который отражал реальную геополитическую борьбу конца XVIII века. Поэтому, можно с уверенностью сказать, что Павел I действовал как государственный деятель, мыслящий категориями стратегической целесообразности, а не капризов.

Эта внешнеполитическая линия Павла I отражала общую направленность его правления: он стремился к укреплению централизованной власти, выстраиванию отношений с государствами, признающими интересы России, а также к сдерживанию экспансии британского влияния. Эти шаги указывают на наличие у императора чёткой стратегической линии, вопреки расхожим представлениям о его непоследовательности [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что историческое восприятие Павла I на протяжении двух столетий оставалось заложником политически мотивированных и идеологически окрашенных интерпретаций. Его личность и деятельность долгие годы представлялись в искажённом виде – как деспотизм, иррациональность и эксцентричность. Однако современные исследования, основанные на переоценке источников и отказе от односторонней трактовки, позволяют рассматривать Павла I как последовательного реформатора, стремившегося к наведению порядка, укреплению законности и ограничению произвола элит.

Реализуемые им инициативы, от регулирования административного аппарата до попыток смягчения положения крестьян, демонстрируют наличие чёткой политической воли и стратегического мышления. Именно сопротивление этим мерам со стороны дворянства и чиновничества стало питательной почвой для формирования устойчивых негативных мифов, укоренившихся в историографии XIX века.

В условиях цифровой трансформации образования и растущего интереса к пересмотру исторических нарративов, фигура Павла I требует внимательного и

объективного анализа. Современные технологии и открытый доступ к источникам позволяют преодолевать идеологические стереотипы, возвращая историческим личностям сложность, противоречивость и подлинную значимость. Переоценка политического наследия Павла I становится важным шагом на пути к формированию зрелой и ответственной исторической памяти.

Таким образом, в период цифровизации общества и большого потока информации, необходимо сохранять историческую память для формирования национальной идентичности, а также для развития осознанного и объективного отношения к прошлому.

Список литературы

1. Богданова Т.В. Безумство императора Павла I – это миф или реальность / Т.В. Богданова // МНИЖ. – 2015. – №5–1 (36) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezumstvo-imperatora-pavla-i-eto-mif-ili-realnost> (дата обращения: 02.04.2025).

2. Войнов А.С. Реформаторская деятельность Павла I / А.С. Войнов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – №33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskaya-deyatelnost-pavla-i> (дата обращения: 02.04.2025). – EDN CMDLLI

3. Захаров В. Павел I: деспот или реформатор? / В. Захаров // Власть. – 2008. – №5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pavel-i-despot-ili-reformator> (дата обращения: 02.04.2025). – EDN KARACP

4. Михневич А.В. Реформы Павла I и их значение для развития Российского государства / А.В. Михневич, Е.Ю. Позднякова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – №6. – С. 203–207 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12319> (дата обращения: 02.04.2025). – EDN XUQUYN

5. Скоробогатов А.В. Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация: 07.00.02: дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Скоробогатов. – 2005. – 198 с. EDN NNQESZ

6. Дадаева Т.М. Цифровая историческая память и гражданская идентичность студенческой молодежи в регионе / Т.М. Дадаева, О.А. Богатова // Society and Security Insights. – 2024. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-istoricheskaya-pamyat-i-grazhdanskaya-identichnost-studencheskoj-molodezhi-v-regione> (дата обращения: 02.04.2025). – DOI 10.14258/SSI(2024)1-01. – EDN GJXFOH